



Владислав Рейз

Где гаснет пламя

«Автор»

2026

Рейз В.

Где гаснет пламя / В. Рейз — «Автор», 2026

Со смертью Дэриана привычный покой покидает северную деревню. Среди тех, кто пришёл с ним проститься, появляется он — мрачный Странник. Тот, чей взгляд смотрит сквозь тебя — взгляд человека, заглянувшего за грань и знающего о мире больше, чем дозволено. Местные видят его впервые, но сам он отлично знает, зачем пришёл в эту глушь. Он пришёл за Алирой. Осиротевшая ученица знахаря даже не догадывается, в центре каких событий оказалась. Она осталась совсем одна: с даром видеть Аниму, которого пока не понимает, и нераспечатанным письмом, способным перечеркнуть всё, что она знала о себе. А тем временем в самом воздухе что-то неуловимо переменилось. Вековой лес затих, и эта непривычная тишина полнится дурным предчувствием, тянущимся из той самой чаши, через которую лежал путь Странника. Но кто он на самом деле: тот, кто исполняет последнюю волю Дэриана, или предвестник настоящей бури? И к чему именно Дэриан всё это время готовил свою ученицу?

© Рейз В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	17
Глава V	19
Глава 7	23

Владислав Рейз

Где гаснет пламя

Вступление

— У меня мурашки от него... — вполголоса проворчал Бэннер, плотнее закутываясь в поношенный меховой жилет. — Не могу поверить, что Дэриан водился с этим мрачным чужаком.

Охотник недовольно покосился в сторону незнакомца. Тот стоял чуть поодаль, неподвижно, скрестив руки на груди. Высокая фигура в тяжёлом чёрном плаще казалась пятном тьмы на фоне пляшущих бликов огня. Свет костра тянулся к нему — и тонул в плотной ткани, не в силах выхватить из мрака ни лица, скрытого капюшоном, ни единого движения.

Никто не спрашивал, кто он. На севере чужакам не радовались.

Даже цепные псы не лаяли. Только глухо ворчали, припадая к земле, будто чуяли то, чего не видят люди.

— Эй, ты вообще меня слушаешь?!

Бэннер обращался к девушке, стараясь не привлекать внимания. Алира стояла совсем рядом — и казалась бесконечно далёкой. Пустой, остекленевший взгляд прикован к языкам пламени. Побледневшее лицо застыло маской. В ушах гудело так, что она не слышала ни расспросов Бэннера, ни плача женщин, ни треска поленьев.

Кто-то сунул ей в руки кружку с грейлом. Алира не помнила кто. Пальцы обхватили тёплое дерево, но тепла она не чувствовала. Грейл пах торфом и дымом — знакомый запах, который всегда означал дом. Сейчас он не значил ничего.

В один миг её мир рухнул. Рассыпался пеплом. Сознание отчаянно отказывалось принимать новую реальность. Едкий запах горьких погребальных трав, брошенных в огонь, жёлт ноздри, подтверждая страшную истину: Дэриана больше нет.

Рядом всхлипнула женщина, уронив глиняную чашку. Та звякнула о камень. Никто не обернулся.

Он не был ей кровным родственником, но сколько Алира себя помнила, этот человек всегда находился рядом. Он не просто заменил ей родителей, чьих лиц она даже не помнила, — он стал для неё всем. Отцом, учителем, единственной опорой. Добрым, мудрым и невероятно заботливым. Старый знахарь научил её читать знаки природы, слушать шёпот ветра, вычерчивать простейшие формулы. Иногда в прошлом девушке казалось, будто он с тихой грустью готовит её к чему-то великому и неизбежно страшному. И только сейчас, стоя у его костра, к ней пришло горькое осознание, к чему именно...

Бэннеру хватило одного взгляда на её окаменевший профиль, чтобы понять: ответа он не дожждётся. Охотник не привык к сложным мыслям, но тут и думать было не надо. Смерть старого знахаря и появление чужака в чёрном не сулили деревне ничего хорошего. Как только Дэриан испустил последний вздох, воздух стал тяжёлым, вязким, будто перед затяжной бурей. Этого никто не произносил вслух. Но почувствовал каждый.

Бэннер знал этот лес как собственный дом. Даже глубокой ночью чаща не спала: она жила, дышала, наполнялась далёкими криками ночных птиц и скрипом вековых крон. Но сегодня лес словно вымер. Он оглох и затаился.

Такого охотник не слышал никогда. Зверьё, бывало, ненадолго смолкало, если поблизости рыскал хищник. Но чтобы весь лес замер вот так, разом... Значит, в чаще завелось нечто, от чего попряталось всё живое.

Но куда сильнее его пугал другой вопрос: как этот молчаливый незнакомец в чёрном умудрился добраться до деревни, если единственная дорога ведёт через эту самую затаившуюся чащу?

Глава I

На дворе стояла ранняя осень — время, когда северные ветры только начинают свои завывания, а листва покрывается багрянцем. Никогда ещё в таверне Мэда не было так тихо. Даже кружки не стучали. Народ собрался не ради попойки. Вся деревня пришла, чтобы почтить память Дэриана.

В любой северной деревушке, даже самой захудалой, имелось подобное заведение — не просто место для выпивки, а настоящее сердце поселения. Здесь собирались, чтобы обсудить новости, заключить сделки, решить проблемы. А на севере знали: любые, даже самые запутанные вопросы решаются проще за кружкой обжигающего грейла.

Чужаки брезгливо называли этот напиток «Пойлом северян». Для местных же он был спасением — густой, крепкий грейл разом вышибал из тела холод. У него был резкий, глубокий вкус с нотой торфяного дыма и тяжёлым, вязущим привкусом костяного корня. Напиток обжигал горло, словно жидкий металл, но именно за это дурманившее тепло, разливающееся по жилам, его и ценили в каждой здешней таверне.

— Ваш заказ. Жаркое и выпивка, — ровно, без выражения произнесла Бретта.

Эта крупная, плечистая женщина не только разносила заказы, но и крепко держала порядок в зале. В её широких ладонях с лёгкостью терялась массивная дубовая кружка, а чтобы выставить взащей перебравшего работягу, ей обычно хватало одного взгляда. Впрочем, другого выражения лица у неё, кажется, отродясь не водилось.

В деревне шептались, что в прошлом Бретта служила в королевской гвардии, но по неизвестным причинам оказалась в этой глуши. Никто не знал наверняка, правда это или очередная кабацкая байка. Сама Бретта о прошлом молчала. А тем несколькими смельчакам, что пытались лезть к ней с расспросами, она однажды доходчиво объяснила — и больно, — почему этого делать не стоит.

— Благодарю, — сухо, ответил чужак из-под капюшона.

Бретта уже развернулась, чтобы уйти к стойке, но что-то в его тоне заставило её замереть и бросить быстрый взгляд через плечо. Незнакомец, так и не откинув капюшон, неспешно приступил к трапезе. Видимой угрозы от него не исходило. Но Бретта нутром чуяла опасность.

— Что-то не так? — спокойно спросил чужак. Он даже не оторвал взгляда от миски, медленно помешивая ложкой густое варево.

Бретта сжала губы и молча ушла к стойке. Вопрос застал её врасплох: он не поднимал головы, не мог видеть её движения. Как он узнал, что она замялась? Но чужие странности — не повод вышвыривать гостя. У неё есть дела поважнее.

Когда незнакомец отодвинул пустую миску и взял в латной перчатке кружку с грейлом, гул голосов в зале стих. Десятки глаз сквозь полумрак уставились на одинокую фигуру в углу. Тот, кто пробовал грейл впервые, вряд ли мог забыть этот обжигающий опыт — напиток драл горло, как наждак. И уж точно никто не пил его залпом. Люди затаили дыхание, ожидая, как самоуверенный чужак закашляется или с бранью выплюнет пойло на пол.

Незнакомец поднёс кружку к губам и стал пить. Медленно, ровно. Опустил её на стол лишь тогда, когда в ней не осталось ни капли.

— Да кто ты, Рюк тебя дери, такой... — изумлённо выдохнул Бэннер, сидевший за соседним столом. Он невольно сжал свою кружку.

До этого момента лишь двое жителей перекинулись с чужаком парой слов: староста Бик, встретивший его у ворот, и Бретта. Остальные предпочитали держаться на расстоянии — на севере не принято лезть с расспросами к тем, кто носит доспехи и молчит. Подальше от греха.

Тишина, повисшая после того, как чужак осушил кружку, всё ещё не рассеялась, когда дверь скрипнула, обдав помещение струёй холодного ночного воздуха, и в таверну вошла Алира.

Незнакомец всё так же сидел за своим столом, опираясь локтями о столешницу и положив подбородок на сцепленные пальцы. Тень от капюшона полностью скрывала его черты. Девушка на секунду задержалась у порога, бросила на него долгий, пристальный взгляд и направилась к своим.

Северяне сдвинули столы в один длинный ряд, чтобы держаться вместе в этот мрачный вечер. Алира с усталым вздохом опустила на свободное место рядом с Бэннером.

— Как ты? — попытался придать грубому лицу сочувственное выражение охотник.

— Не могу верить, что его больше нет, — тихо проговорила Алира, глядя на оплывшую свечу. — Я даже не успела попрощаться. Он ведь нарочно отправил меня в тот старый охотничий домик на целую неделю для тренировок! Я же видела, что он плохо себя чувствует. Я сопротивлялась, отказывалась уходить, но он настоял. Сказал, что это необходимо, а его недомогание — временное. Убеждал, что просто погода меняется, осень даёт о себе знать...

— Он просто не хотел, чтобы ты видела его угасание. Поэтому и запретил нам говорить тебе, — неловко попытался утешить её Бэннер, погладив по плечу широкой ладонью. — Он оставил письмо. Ты его уже прочла?

— Нет. Не могу... Пока не могу. Всё ещё кажется, что он просто вышел за травами... — она снова замолчала, словно каждое слово ранило её.

Бэннер потупил взгляд, не зная, что сказать. Северяне — народ суровый, подбирать нужные слова в моменты горя они не умели. Не придумав ничего лучше, он решил сменить тему:

— Интересно, долго этот чужак ещё собирается тут торчать? — он едва заметно мотнул головой в сторону тёмного угла.

— Ты что-нибудь узнал о нём? — спросила Алира, с трудом переключая мысли.

— Только то, что он хлещет грейл, как воду! — поморщился Бэннер. — Назвался Странником. Говорит, старый друг Дэриана.

Алира нахмурилась. Дэриан никогда не упоминал друзей с юга или странствующих воинов.

— Наш гость загадочен. Думаю, пора поприветствовать его как следует.

— Да уж... Стой, что?!

Прежде чем Бэннер успел осознать смысл её слов и схватить за рукав, девушка решительно поднялась и пошла прямо к угловому столику. Разговоры в зале мгновенно затихли. Тишина стала звенящей.

— Итак? — без долгих приветствий Алира опустила на жёсткий стул напротив чужака, пытаясь разглядеть его глаза сквозь мрак капюшона.

У свидетелей отвисли челюсти. Несколько долгих ударов сердца Странник молчал. Затем медленно склонил голову вбок и произнёс:

— У тебя лицо сажей испачкано.

Он плавно поднял руку, закованную в латную перчатку из чёрного металла, и указал на её левую щеку.

— Вот здесь.

Зал дружно выдохнул. Кто-то нервно хохотнул, кто-то покачал головой. Напряжение немного спало.

Алира же не сводила глаз с его брони.

— Эти доспехи... Чёрный металл, багровые руны...

Странник повернул ладонь, медленно рассматривая вязь тлеющих багровых прожилок на чёрной стали, — будто видел их впервые.

— И что в них такого? — наконец спросил он, опуская руку на стол.

— Дэриан показывал похожие письмена в старой книге. Говорил, что такие руны древние, редкие, и о них почти ничего не известно.

— Редкие, говоришь... — Странник снова поднёс перчатку к лицу, разглядывая её с ленивым интересом, будто только сейчас заметил.

— Как будто ты сам не знаешь! — Алира резко поднялась, и стул позади неё отъехал в сторону.

— Ты их пугаешь, — спокойно заметил чужак.

Алира оглянулась. Односельчане смотрели на неё с тревогой, пара мужчин у ближнего стола потянулась к топорам, лежавшим рядом. Поняв свою ошибку, Алира выдавила слабую улыбку и ободряюще кивнула Бэннеру. Тот коротко кивнул в ответ, но плечи его расслабились не сразу. Она снова опустилась на стул, выдохнула и подалась вперёд, заговорив тише:

— Кто ты? Откуда ты знаешь Дэриана? — настойчиво повторила девушка.

— Я знал многих. Дэриан был одним из них, другом. Это всё, что пока тебе нужно знать, — ровно ответил чужак, не сменив позы.

Горечь смешалась с жгучим любопытством. Алира всмотрелась в чужака. Слишком пристально. И мир в её глазах начал меняться — как на одной из тренировок с Дэрианом.

Она увидела Аниму. Тусклые, порой едва различимые потоки, пронизывающие всё. У каждого свой цвет — где-то ярче, где-то бледнее. Чистый и глубокий Алира видела только у Дэриана. Что значит разница в цветах? Она не знала. Не успела спросить. Но в человеке напротив, казалось, не было Анимы вовсе.

Но за его спиной клубилась тьма. Густая, почти осязаемая. Алира перевела туда взгляд. Такого она не видела никогда. А когда всмотрелась — из тьмы посмотрели в ответ.

— Это крайне невежливо, — внезапно нарушил тишину ровный, без эмоций голос Странника, заставив Алиру вздрогнуть и оборвать поток, — осматривать человека без его разрешения.

Он не сменил позы, но продолжил всё тем же ледяным тоном:

— Дэриану стоило бы научить тебя хорошим манерам вместо того, чтобы преподавать магию. Хотя, наверное, за годы в этой глуши он и сам их растерял, судя по его ученице.

Эти слова взбесили девушку. Алира до побеления костяшек сжала кулаки, до боли желая ударить наглеца по лицу. Но разум остановил руку: если она бросится в драку, то лишь докажет его правоту насчёт манер и опозорит память учителя.

— Ты не прав, — прошипела она, дрожа от сдерживаемой ярости. — Ты не имеешь никакого права называться другом Дэриана. И ты абсолютно ничего о нём не знаешь!

Боясь, что сейчас не выдержит и наделает глупостей, девушка круто развернулась, с глухим стуком опрокинув стул, и быстрым шагом направилась к выходу.

— Алира! — подорвался Бэннер, но девушка даже не обернулась.

Хлопнула массивная дверь, запустив внутрь струю ночной прохлады.

— Вот ублюдок! Что он ей наговорил?! — прорычал охотник, сжимая кулаки до хруста. — Вы как хотите, мужики, а я не собираюсь на это смотреть. Вышвырнем его туда, откуда он взялся!

По залу прокатился одобрительный, глухой гул. Бэннер и трое крепких северян поднялись из-за стола, медленно надвигаясь на одинокую фигуру в углу. Бретта, протиравшая стойку засаленной тряпкой, лишь прищурилась, не спеша вмешиваться. Ей хватило бы беглого взгляда, чтобы понять: у деревенских нет против него ни единого шанса. От человека в чёрном не исходило открытой жажды крови, он даже не потянулся к оружию. Но что-то в его расслабленной, безупречной позе выдавало опытного воина.

Четверо мужчин угрожающе нависли над столиком. Странник не обращал на них ни малейшего внимания, задумчиво вращая по столу пустую дубовую кружку. Это нарочитое игнорирование взбесило северян ещё больше.

— Пойдем-ка выйдем! — рявкнул Бэннер.

Никакой реакции.

— Эй! Я с тобой разговариваю! Лучше делай по-хорошему, пока цел!

Тишина.

Бэннер, побагровев от злости, шагнул вперед, намереваясь схватить наглеца за плечо, но тут же замер. Спину обожгло чугунным взглядом. Он медленно повернул голову к стойке — Бретта смотрела на него исподлобья, сжав в руке массивный каменный пестик. Главное правило заведения гласило: «Никаких драк внутри. Хотите набить друг другу морды — валите на улицу». Охотник сглотнул, кивком указав товарищам на плечистую фигуру за стойкой. Пыл местных мгновенно угас.

— Всё равно ты не сможешь сидеть здесь вечно, — процедил Бэннер через зубы и, круто развернувшись, зашагал обратно к своему столу.

Вернувшись на место, мужчины принялись сверлить чужака злыми взглядами. Бэннер задумчиво нахмурился. У каждого странника на севере должно быть при себе хоть какое-то оружие. У этого парня не было видно ни меча, ни топора, но всё он себя так, будто мог перебить весь зал голыми руками.

Внезапно один из северян толкнул Бэннера локтем в бок.

— Эй, Бэн... а с кем это он болтает?

Охотник присмотрелся. Незнакомец неспешно откинулся на спинку жесткого стула и сложил руки на груди. Тень от глубокого капюшона слегка сместилась назад, приоткрыв нижнюю часть его бледного лица. В тусклом свете оплывшей свечи охотники отчетливо увидели, как его губы слегка шевелятся в беззвучной беседе с пустотой.

И без того напряженные нервы северян не выдержали: мало того, что чужак пришёл на похороны и держался особняком, так ещё и разговаривал с кем-то невидимым. Если это не колдовство, то что?

— Да что с ним такое, Рюк дери?! — выругался один из мужчин.

— А может, он колдун?! Читает заклятие, чтобы нас всех тут убить! — взвизгнул третий, самый пугливый из компании.

Страх перед магией среди простых людей был сильнее здравого смысла.

— Я не собираюсь сидеть и ждать, пока он нас испепелит! — взревел самый крупный из четвёрки. Забыв о Бретте и правилах таверны, он с ревом ринулся на человека в чёрном.

Но на полпути здоровяк вдруг застыл. Обессиленно опустил руки, словно разом отняли волю идти вперед. Бэннер решил — магия. Но потом увидел лицо товарища: бледное, с испариной на лбу, с расширенными зрачками. Так не выглядит человек, которого остановили колдовством. Так выглядит зверь, понявший, что он — не хищник, а добыча.

Странник откинул капюшон.

Волосы — длинные, прямые, багровые, как свежая кровь на снегу. Только не блестящая, а матовая, будто впитавшаяся навсегда. Глубокий, тёмно-алый оттенок, какой не рождается в природе: ни один цветок не цветёт так, ни одно растение не даёт такого сока. Мёртвый цвет.

Бэннер сглотнул. Вспомнилось услышанное в детстве от стариков. Они говорили, что некоторые люди чем-то задолжали богам. И пока долг не будет исполнен, на них остаётся напоминание — нечто, чего не встретишь у обычного человека.

С таким цветом волос не ходят без причины.

Он тогда отмахивался от этих историй. А теперь уже не был уверен, что это всего лишь байки.

Лицо — молодое, не старше тридцати, и до отвращения красивое: правильные, резкие черты, высокий лоб, скулы, острые, как лезвия, губы, которые могли бы быть созданы для улыбки, но застыли в вечном холоде. Кожа бледная, без единого изъяна, если не считать тон-

кого шрама, уходящего от виска к скуле. В этом лице была красота, но не человеческая — так красивы бывают идола, вырезанные из кости племенами, что поклоняются смерти.

Глаза — серые, пустые, как пепел. В них не было ни злости, ни страха, ни тепла. Только бесконечная, холодная бездна, в которой не отражался ни огонь свечей, ни лица людей.

И в этом взгляде читался приговор, от которого у самого смелого бы подкосились ноги: *ты уже не в списке живых. Просто пока об этом не знаешь.*

Ещё шаг — и это перестало бы быть вопросом.

— Кто он... — одними губами прошептал мужчина рядом с Бэннером.

— ...Или что? — закончил охотник, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

Чужак назвался старым другом Дэриана. Но Дэриан пришёл в их деревню больше двадцати лет назад, будучи уже зрелым, седым мужчиной. Этот человек чисто физически не мог быть его давним товарищем.

Воздух в таверне стал густым и холодным.

— Дура! — вдруг с раздражением бросил Странник куда-то в пустоту перед собой.

В следующую секунду он уже стоял у самой двери. Он двигался с такой нечеловеческой скоростью, что человеческий глаз уловил лишь тень, метнувшуюся к двери.

— Что бы вы ни слышали снаружи, не вздумайте выходить. Если, конечно, вам дорога жизнь, — не оборачиваясь, бросил он через плечо и вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

Глава II

Алира стояла, прижавшись спиной к шершавым, пахнущим смолой брёвнам внешней стены таверны. Ночной воздух обжигал горло. Тяжело дыша и всхлипывая, она пыталась унять внутреннюю дрожь, но отчаяние накатывало волна за волной. Силы оставили её: ноги подогнулись, и девушка медленно сползла по стене на сырую холодную землю, обхватив колени дрожащими руками. Возвращаться в пустой, тёмный дом знахаря не было ни сил, ни духа.

Ей казалось, что она просидела в этой тьме целую вечность, когда сквозь свист ночного ветра пробился знакомый, родной голос.

— Алира...

Девушка вздрогнула и вскинула голову. Сначала звук был едва различим, словно шелест сухой листвы, но затем стал отчётливее, доносясь со стороны тёмной кромки леса.

— Это я, дорогая. Мне нужна твоя помощь... Прошу, только ты можешь меня спасти...

— Дэриан?! — выдохнула Алира, подхватываясь на ноги. Сердце заколотилось как бешеное. — Дэриан! Это ты?! Я знала! Знала, что ты не мог просто так оставить меня! Где ты? Как мне помочь?!

— Лес... Иди в лес... Я в ловушке. Скорее, умоляю... — голос начал отдаляться, становясь всё тише и слабее.

— Стой, не уходи! Дэриан!

Голос стих. Наступила звенящая тишина.

Девушка в панике обернулась к дверям таверны. Нужно позвать мужчин! Бэннер быстро соберёт охотников, они возьмут факелы, прочешут чащу и найдут его!

Но рука, уже потянувшаяся к деревянной ручке, замерла.

Алира закусила губу. Она не была душой. Слишком много странного случилось за этот вечер: смерть Дэриана, появление чужака, тишина в лесу. И теперь — голос. Голос человека, которого она сама видела мёртвым.

Это может быть ловушка.

Мысль была холодной и трезвой. Но тут же её захлестнуло другое: а если нет? Если Дэриан действительно там? Раненый. Беспомощный. Зовёт её. Только её.

Она не могла рисковать. Не могла привести мужчин туда, где их могли ждать. Не могла смотреть, как они погибают из-за её надежды. А ещё... этот голос звал её. Если она приведёт толпу, он может исчезнуть. Или замолчать навсегда.

И где-то глубоко, под слоем горя и страха, тлея упрямая уверенность: она справится. Она ученица Дэриана. Она умеет защищаться. Если что-то пойдёт не так — она сможет сбежать.

Алира вытерла слёзы рукавом и побежала к кромке леса. У стены чёрных стволов она на секунду замешкалась. Но мысль о том, что Дэриан страдает где-то во тьме, заставила её шагнуть вперёд.

Где-то далеко, за спиной, хлопнула дверь. В мёртвой тишине леса этот звук прозвучал неожиданно резко.

Алира не обернулась.

Ночь была безлунной и промозглой. Алира сосредоточилась, сделала глубокий вдох и вычертила в воздухе простейшую формулу — три коротких жеста, которым её учил старик. Над раскрытой ладонью затрещал воздух, и вспыхнул крошечный шарик золотистого света. Базовое заклинание. Без катализатора. Слабое. Но пока хватит. Он плавно поднялся и завис над её головой, разгоняя тьму в радиусе пары метров. Девушка решительно шагнула под сень деревьев.

Лес встретил её враждебно. Обычно широкая тропинка, по которой сельчане годами ходили за грибами, казалась уютной и знакомой, но сейчас ночная чаща словно исказилась

в неверном свете магического шара. Корни старых деревьев вздыбливались из земли, норовя подставить подножку, а колючие ветви цеплялись за края платья, будто костлявые пальцы, пытающиеся удержать её на месте. Где-то вдали ухала ночная птица, но звук был странным, прерывистым, похожим на глухой кашель.

Под ногами хлюпала ледяная осенняя грязь. С каждым шагом тишина становилась всё плотнее, давила на уши. Алире казалось, что из-за каждого толстого ствола за ней наблюдают невидимые злобные глаза. Тени от её собственного источника света плясали по кустам, принимая уродливые очертания. Она больно споткнулась о скрытый во мху камень, ободрав колено, но лишь тихо зашипела сквозь зубы и пошла дальше.

Лишь спустя несколько минут быстрого, отчаянного шага сквозь бурелом в её разуме наконец сработал инстинкт самосохранения.

Она остановилась, тяжело дыша. Что она делает? Идёт одна в ночной лес на голос, который не должен здесь звучать? Осознание собственного безумия окатило её ледяной водой. Алира решила вернуться: она прошла не так много, огни деревни должны быть видны за спиной.

Она обернулась.

Огней не было. Только непроглядная, сплошная стена чёрных стволов.

Она заблудилась. Но как? Тропинка была прямой. Сбиться с неё за несколько минут было невозможно.

Пока девушка пыталась подавить нарастающую панику, между лопаток скользнул ледяной холодок. Кто-то смотрел на неё из темноты. Тяжёлый, пристальный взгляд.

Мурашки побежали по коже. Температура воздуха вокруг стремительно падала, превращая выступивший пот в ледяные капли. От земли начал подниматься густой, неестественно плотный туман, закручиваясь вокруг её ног, словно живые нити.

Даже магический свет с трудом пробивался сквозь эту молочную пелену. Боковым зрением Алира уловила странное движение: стволы деревьев будто меняли положение, перекрывая выходы. Лес наполнился едва слышным, отвратительным скрипом древесины.

Разум балансировал на грани паники. Но в голове билась одна мысль: свет не должен погаснуть. Если он погаснет — она умрёт. Здесь. В этой тьме. Одна.

Алира закрыла глаза и, поторопившись, влила в уже готовую формулу больше Анимы, чем та могла принять.

Шар полыхнул ослепительно белым. Свет разорвал туман в клочья.

Голова закружилась. Алира покачнулась, но устояла. Отдача придёт позже. Сейчас не время.

Из темноты донёсся оглушительный скрежет и жуткий утробный вой. Когда зрение вернулось, Алира едва не закричала от ужаса. То, что она принимала за обычные древесные стволы, вдруг пришло в движение. Кора пошла трещинами, обнажая безгубые пасти. Ветви, только что казавшиеся обычными, потянулись к ней, как когтистые лапы. Твари, маскировавшиеся под деревья, сбросили личину.

Лесные твари, притворяющиеся деревьями. Те самые, о которых шёпотом рассказывали у костров. И которые водились только глубоко в чаще леса. Они сводят путников с дороги, путают мысли, усыпляют туманом, а затем разрывают на куски. Теперь стало ясно, почему тропинка исчезла.

Твари боялись яркого света — он жёг их, как огонь жжёт сухую траву. Они медленно, неуклюже пятились, шипя и закрывая морды лапами. Алира не стала терять ни секунды. Увидев брешь между двумя монстрами, она сорвалась с места и бросилась бежать.

Ноги слушались плохо. В ушах звенело, перед глазами плыли тёмные пятна. Она перегрузила формулу. Теперь придётся расплачиваться. Но останавливаться было нельзя.

Как только она вырвалась из кольца, туман мгновенно рассеялся. Впереди, сквозь редкие деревья, наконец мелькнули спасительные огни таверны. Ещё немного!

— Алира...

Знакомый, ласковый голос раздался совсем рядом. Она знала, что должна бежать дальше, но ноги сами вросли в землю. Наивная надежда заставила её обернуться.

На краю освещённого круга стоял Дэриан. Те же добрые морщинки у глаз, та же тёплая, чуть хитрая улыбка.

— Ты... это правда ты? — голос девушки дрогнул.

Старик осмотрел свои руки, усмехнулся и покачал головой:

— Нет, кто-то явно подменил моё красивое молодое тело на эту дряхлую оболочку, — с наигранным возмущением произнёс он. Шутка была в его точном стиле.

Но Алира вцепилась в подол платья, борясь с сомнениями:

— Что ты подарил мне на семилетие?

— Ох, дитя, негоже заставлять старика напрягать память... — Дэриан погладил бороду, картинно закатив глаза.

— Отвечай. Или я уйду.

Старик виновато вздохнул:

— Я подарил тебе янтарный кулон. И взял обещание никогда его не снимать.

Алира выдохнула. Всё сходилось. Это знал только он.

— Это правда ты? — уже мягче спросила она, делая шаг навстречу.

Старик опустил голову:

— Это я. Но не в той форме, в которой тебе хотелось бы, дитя.

Слёзы снова подступили к глазам девушки, она поняла о чём он. Дэриан сделал шаг к ней:

— У нас мало времени, Алира. Ты должна помочь мне.

В его голосе внезапно прорезались жёсткие, сухие ноты, совершенно несвойственные доброму знахарю. Внутри девушки сработала тревога.

— Почему ты не помог мне сейчас, когда твари окружили меня? — она отступила на шаг назад. — Ты бы никогда не подверг меня такой опасности... Ты не Дэриан! Кто ты?!

— Что за глупости, я...

Алира не стала дослушивать. Она направила остатки сил в магический шар, полыхнув светом прямо в лицо фигуры. Существо, носившее личину её наставника, оглушительно взвыло. Голос старика сломался, превратившись в жуткий нечеловеческий рык. Воздух вокруг него задрожал, как от жара, и тварь одним прыжком отскочила во тьму за границу света.

Оттуда раздался смех. Булькающий, многоголосый. Существо медленно кружило во мраке вокруг островка света.

— Думаешь, спасёшься там? — утробно пророкотало существо. В темноте было видно, как силуэт «старика» ломается, увеличиваясь в размерах. — Твоя деревня уже не спасёт тебя.

Словно в подтверждение его слов, со стороны поселения в ночное небо взвился леденящий душу крик человеческого ужаса и боли.

Глава III

Гордок был единственным человеком в деревне, кто искренне обрадовался смерти Дэриана. До появления чужака с его заумными книгами и магическими снадобьями именно Гордок считался местным лекарем. И хотя лечил он людей и домашний скот одними и теми же варварскими методами, никто не жаловался — просто не с чем было сравнивать. А потом пришёл Дэриан и лишил его работы, денег и остатков уважения.

Разумеется, Гордок не пошёл в таверну поминать покойного. Вместо этого он тайком пробрался к потухшему погребальному костру на окраине.

Убедившись, что вокруг ни души, он подошёл к пепелищу. Гордок пнул сапогом почерневшее полено, подняв облачко сизого пепла.

— Ну что, доигрался, спаситель? — ехидно прошипел старик, прилизывая пухлой, потной ладонью жидкие сальные пряди. — Припёрся сюда со своими умными свитками, зелья свои бесплатно раздавал... Тьфу!

Он с чувством глубокого, мелочного удовлетворения смачно сплюнул прямо в остывающие угли.

— «Нельзя прижигать гнилую рану калёным железом, Гордок!» — кривляясь и передразнивая голос покойного, проворчал он. — Людишек от меня отвадил! Монеты мои, которые по праву мне причитались, себе в карман переложил! И ради чего?! Где теперь твои спасительные настойки, а, Дэриан?! Что ж ты сам себя не вылечил?!

Гордок гадко, дребезжаще захихикал, потирая пухлые ручонки.

— Молчишь? Вот и правильно! Теперь-то они все ко мне приползут. Завоют, когда животы скрутит от гнилой браги, и притащат свои сбережения как миленькие! А я ещё подумаю, кому помогать...

Он воровато огляделся, внезапно испугавшись, не услышал ли его кто, не покарает ли его небо. Решив, что на сегодня храбрости достаточно, он развернулся, собираясь отправиться домой и в одиночестве отпраздновать свой триумф глотком припрятанного вина.

Но ухмылка мгновенно стекла с его лица.

В десяти шагах от него в полумраке стояла тварь. Гордок не знал названия этого чудовища, но ему и не требовалось знать имена, чтобы понять своей шкурой: это смерть. Двухметровый монстр с влажной серой кожей жадно отрывал куски сырого мяса от бедра убитого телёнка. У чудовища отсутствовали губы, обнажая два ряда острых, как бритва, зубов.

Услышав шаги, тварь повернула голову и уставилась на старика глубоко посаженными, ярко-жёлтыми глазами.

Гордок закричал так, что сразу сорвал голос. Он хотел бежать, но ноги стали ватными. Чудовище отбросило кость и медленно двинулось к человеку.

Монстр облизнул окровавленные клыки длинным чёрным языком. Гордок почувствовал, как по штанине потекла горячая струя. Лужа под его ногами ничуть не смутила тварь, а скорее позабавила: на изуродованной морде появилось некое подобие ухмылки.

«Это Дэриан! Это он послал за мной чудовище с того света!» — пронеслась в голове старика истеричная мысль.

Он рухнул на колени прямо в грязь, завывая и умоляя мёртвого знахаря о пощаде. Но тварь приближалась. Когда между ними остался шаг, Гордок уткнулся лбом в землю и закрыл голову руками, чувствуя на затылке смрадное, гниlostное дыхание.

Раздался влажный, чавкающий хруст. Гордок решил, что его начали жрать, и от страха потерял сознание.

Очнувшись через пару секунд, он не сразу понял, почему всё ещё жив. Ощупав себя трясущимися руками, он с удивлением обнаружил, что цел. Затем поднял взгляд.

Монстр всё ещё стоял рядом. Но из его груди торчало лезвие чёрного, как смоль, меча.

Издав вопль, тварь попыталась схватиться за клинок. Но стоило её пальцам коснуться чёрной стали, как они ровным срезом упали на землю. Сама тьма, вплавленная в металл, не терпела прикосновения.

В следующее мгновение блеснула чёрная дуга, и голова монстра с глухим стуком скатилась к ногам Гордока.

Туша с грохотом рухнула в пыль.

За спиной поверженного чудовища стоял Странник. Тот самый красноволосый незнакомец из таверны.

По лицу Гордока катился холодный пот. Он понял, что этот человек наверняка слышал каждое его слово и видел, как он плевал на костёр.

Но Странник лишь безглаголиво посмотрел на дрожащего старика и произнёс ледяным тоном:

— Если хочешь жить, беги в таверну по главной дороге. Никуда не сворачивай.

Страхнув чёрную кровь с клинка, Странник развернулся и растворился в ночной тьме. Он двигался быстрее, чем позволяло обычное тело. Быстрее, чем должен был. Золотистое зарево, на секунду пробившееся сквозь кроны деревьев в глубине чащи, указало ему путь.

— Зачем ты это сделал?! — Голос прозвучал не в ушах, а глубже — там, где рождаются собственные мысли.

— Что именно?

— Ты прекрасно понял! Я думала, ты не дал сожрать его только для того, чтобы лично разругать этого мерзавца! Ты ведь видел, зачем он пришёл к костру! Но ты позволил ему уйти!

— Думаешь, Дэриан обрадовался бы, если б мы замарали руки об это ничтожество?

Голос промолчал.

— Ты всё ещё недооцениваешь степень человеческих пороков, — с лёгкой досадой произнёс Странник, бесшумно скользя сквозь подлесок.

— Не уверена, что когда-то смогу до конца понять человеческую душу...

Несколько мгновений спустя уже знакомый, охрипший и еле уловимый старческий, душераздирающий вопль донёсся со стороны деревни.

— Как ты понял, что он тебя не послушает? — в женском голосе прозвучало понимание.

— Он считает себя хитрее остальных. Подумал, что скопление людей привлечёт чудовищ, и пока твари будут жрать его соседей, он пересидит в подполе. Он ведь не знал, что эти монстры выискивают именно одиночек в темноте. Убить такую мразь своими руками — слишком большая честь. Я хотел, чтобы его собственные решения привели его к заслуженному финалу.

Глава IV

От леденящего вопля, донесшегося со стороны поселения, по телу Алиры пробежала дрожь. Но последовавший за ним утробный рык существа, стоящего перед ней, заставил сердце уйти в пятки.

Чудовище завершило свою трансформацию, отбросив фальшивую личину Дэриана. Алира отчаянно хотелось зажмуриться и бежать.

— Теперь поняла? Тебе некуда бежать. Никто тебе не поможет, — пророкотал монстр.

Но из деревни донёсся ещё один крик — на этот раз предсмертный вой другой твари. И этот звук вернул Алире самообладание: если монстры гибнут, значит, кто-то даёт им отпор!

Девушка сжала зубы и заставила себя обернуться. Не потому что была готова драться. Потому что бежать было некуда.

Перед ней стояла трёхметровая гора бугристых мышц. Пасть, усеянная рядами клыков, и всего один огромный жёлтый глаз, горящий яростью.

Монстр сделал шаг вперёд.

— От тебя разит страхом, девчонка, — пророкотал он. — Но ты нужна мне живой. Впрочем... не обязательно целиком.

Алира попятилась. Ноги дрожали, руки ходили ходуном, а в горле пересохло так, что она едва могла дышать. Она не хотела умирать. Не здесь. Не так. Не от этой твари.

Формула. Нужна формула. Хоть какая-нибудь.

Она вскинула руки, пытаясь вспомнить хоть одну боевую формулу — хоть что-то из того, чему её учил Дэриан. Но пальцы не слушались, сбивались, путались. Анима вязла в ладонях, как смола, отказываясь подчиняться.

Она не успела.

Монстру не требовался разбег. Одного толчка лап хватило, чтобы сократить расстояние. Когтистая лапа уже тянулась к её шее. Алира зажмурилась и вскинула руки, закрывая лицо.

Раздался короткий влажный хруст. Монстр взвыл от боли, и на лицо Алиры брызнуло что-то тёплое и липкое.

Она открыла глаза. Странник стоял между ней и монстром, в паре шагов. В опущенной руке он непринуждённо держал чёрный меч, с лезвия которого капала тёмная кровь.

Лес сотрясся от оглушительного рёва искалеченного монстра:

— Ты ответишь за это! Я разорву тебя на куски!

Заметив её взгляд, Странник пожал плечами — равнодушно, будто просто проходил мимо.

И в этот момент раздался голос. Мягкий, красивый, певучий. Он шёл из воздуха — рядом, но никого не было.

— Какая... неожиданная и неприятная встреча, — пропел голос. — Кто бы мог подумать, что всё так обернётся? Кроме меня, разумеется.

Он замолчал на миг. Потом продолжил, словно забыв, что его слышат:

— Но послушали ли они меня? Конечно, нет. Я предупреждал. А теперь они ждут, что я сделаю всё за них? Ха!

Снова пауза. Голос вздохнул — театрально, страдальчески.

— Ладно. Ладно. Я здесь. Сделаю. Но не думайте, что мне это нравится.

И только затем — мягче, совсем другим тоном, будто он наконец заметил Алиру:

— Мои глубочайшие извинения, юная госпожа.

Алира застыла.

Госпожа?

Она обернулась к Страннику. Тот стоял неподвижно. Но если раньше в его позе было что-то расслабленное, почти ленивое, то теперь он застыл, как натянутая тетива. Меч в опущенной руке не двигался. Взгляд стал жёстким.

— Кто вы? — выдавила Алира, чувствуя, как горло сжимается от страха. — Почему вы так меня называете?

Голос из тьмы тихо рассмеялся. Мягко. Ласково. Так, что по спине пополз холод.

— Ты ещё не знаешь, — произнёс он. — Бедное дитя. Совсем одна. Совсем ничего не знаешь.

Алира растерянно переводила взгляд со Странника на тёмную чашу. Этот вечер ещё не закончился. И, кажется, худшее было впереди.

Глава V

Когда за красноволосям чужаком с оглушительным треском захлопнулась тяжёлая дверь, в таверне воцарилась тишина. Люди переглядывались, шептались, поглядывали на дверь. Никто не решался заговорить в полный голос.

Таверна Мэда возвышалась над скоплением приземистых северных домов единственным двухэтажным зданием во всей деревне. Наверху располагались шесть тесных, пахнущих сухой смолой комнат для заезжих путников, а весь нижний ярус занимал просторный зал. Обычно здесь легко помещались все деревенские, но сегодня в помещении было не протолкнуться. Взрослые, старики, дети — под этой крышей собрались абсолютно все жители поселения.

Так требовал обычай, въевшийся в кровь северян. Когда сжигали тело усопшего, никто не смел оставаться в своём доме. Люди верили, что дух, вырвавшийся из плоти, ищет новое пристанище. Легче всего — детские тела. Поэтому матери прижимали к себе малышей, а старики сгрудились вдоль стен, вжавшись в тёмные углы.

В широком очаге посреди зала тлел ворох приторно-сладких, вяжущих трав. Густой сизый дым медленно стелился под потолком, въедаясь в одежду и волосы. На севере верили, что этот едкий запах отпугивает духов, не давая им пересечь порог.

И именно в этой звенящей, вязкой тишине со второго этажа раздался тяжёлый, скрипучий шаг.

По деревянной лестнице, спотыкаясь, медленно спускался Мэд, хозяин таверны. Этот старик бывал трезвым только тогда, когда спал. Но смерть Дэриана выбила его из колеи окончательно. Старый знахарь был едва ли не единственным, кого нелюдимый и ворчливый Мэд пускал к себе в душу. Их связывали долгие годы тихой, крепкой дружбы. Узнав об уходе Дэриана, Мэд напился до такого беспамятства, что пропустил даже похороны. Впрочем, он и не собирался на них идти: смотреть на то, как люди хоронят последнего человека, с которым можно было молча выпить, он не хотел.

Даже подкошенный горем и тяжёлым похмельем, Мэд выглядел внушительно. Под два метра ростом, с грузными, литыми плечами и огромными, узловатыми руками, в лучшие годы он легко мог сломать человека пополам. До появления Бретты именно он твёрдой рукой держал порядок в этом заведении, и ни один пьяный здоровяк не смел перечить его слову. Но самой поразительной его чертой было другое: сколь бы пьян он ни был, Мэд всегда оставался идеально гладко выбрит. А его густые седые усы — пышные, длинные, спадающие от уголков рта вниз и к подбородку, — неизменно покоились в безупречной укладке. Это было его неизбывным правилом.

Мэд спускался, грязно ругаясь сквозь зубы на раскалывающуюся голову, но никто в зале будто и не заметил его появления. Люди шептались, переглядывались, поглядывали на дверь.

Впрочем, Мэду тоже было плевать на окружающих. Не обращая ни на кого внимания, он тяжело протопал к стойке, одной рукой массируя гудящие виски, а второй рукой цепляясь за поверхности. Подойдя к стойке, он громко постучал костяшками пальцев по дереву.

— Бретта... — прохрипел он сорванным голосом, не поднимая головы. — Налей выпить. Живо. Голова сейчас лопнет...

Женщина не шелохнулась. Не услышав знакомого, ласкающего слух звука льющейся в кружку выпивки, Мэд нахмурился и с раздражением сказал:

— Бретта! Гадкая ты баба, не видишь, что ли, что если ты сейчас мне не нальёшь, станет ещё на одного старика меньше!

Ответа не последовало.

— А-а-а, что за гадкая баба, никакого уважения к тому, кто тебя терпит столько лет... — ругаясь, он потянулся через стойку к кувшину с выпивкой и, не наливая её в кружку, жадно начал хлебать, обливаясь так, что потекло по подбородку.

Опустошив кувшин, он громко поставил его на стойку.

— А-а-а, вот так вот лучше! — выдохнул он уже довольным голосом.

А затем непринуждённо развернулся к залу, опершись спиной о стойку и облокотившись на согнутые локти. И только тогда обратил внимание, что все молча и тревожно смотрят на него...

— Это что за похоронное настроение? — он повернулся к Бретте.

Её шея застыла, руки с засаленной тряпкой окаменели над стойкой. За все те годы, что она работала у него, Мэд видел такое выражение на её лице лишь единожды.

И только сейчас хозяин таверны наконец осознал происходящее вокруг. Он медленно огляделся. На лицах жителей застыла тревога. Воздух в таверне казался густым и отравленным страхом.

Но на лице самой Бретты страха не было.

Она смотрела куда-то глубоко в себя. В её остекленевших глазах читалась не боязнь перед неизвестным, а страшные, погребённые под толщей лет воспоминания. Словно прямо сейчас, прямо здесь её настигло то, что она так долго не хотела вспоминать...

— Бик! Би-и-ик! Старый хрыч, ты где?! — хрипло гаркнул Мэд.

Он продолжал орать имя старосты деревни, пока сквозь притихшую толпу не протиснулся высокий, худощавый старик. Длинные, спадающие на плечи седые волосы и густая борода до самого пояса. В зубах он невозмутимо сжимал длинную изогнутую трубку. Один староста выглядел абсолютно спокойным. Медленно выпустив изо рта густое облако сизого дыма, он ровным голосом ответил:

— Хватит драть глотку, ходячая бочка грейла, я ещё не оглох. Но, видят боги, лучше оглохнуть, чем слушать твои вопли.

— Надеюсь, ты ещё и не ослеп, — огрызнулся Мэд. — И видел, что здесь произошло. У всех рожи такие, будто сам Дэриан в дверь постучал. А у моей девочки так вообще...

Он осёкся на полуслове. Тяжело оторвавшись от стойки, Мэд подошёл к Биксу, положил на его плечо тяжёлую ладонь и, низко наклонившись к самому уху, предельно серьёзно, вполголоса произнёс:

— Я хочу знать все подробности.

Бик вынул трубку изо рта, выпустил дым и тяжело вздохнул:

— Я бы тоже хотел это узнать, Мэд. Я бы тоже.

В ту же секунду с улицы раздался вопль, полный животного ужаса.

Все мгновенно узнали этот голос. Гордок. Вся деревня знала, что он был тем ещё мерзавцем, но он был *их* мерзавцем. Много лет назад, когда соседняя деревня вымерла от лихорадки, именно Гордок, рискуя собой, выхаживал больных. Никто не любил его. Но все помнили. А на жестоком севере своих не бросают ни при каких обстоятельствах.

Тревожная, парализующая атмосфера в зале в одно мгновение сменилась ледяной воинственностью. Не сговариваясь, люди начали действовать. Женщины без лишних криков подхватили детей на руки и поспешили наверх, в безопасные комнаты. Старики принялись молча сдвигать тяжёлые столы и скамьи, выстраивая баррикаду перед входом. Мужчины, обнажив оружие, сплошной стеной выстроились у дверей.

От хмеля Мэда не осталось и следа. Ещё минуту назад едва державшийся на ногах старик теперь возвышался в первых рядах, встав плечом к плечу с Бэннером. Разминая огромные кулаки, он смотрел на дверь.

— Бретта, ты остаёшься здесь. Остальные — за мной, — скомандовал он тоном, не терпящим возражений.

Однако, прежде чем распахнуть дверь и шагнуть в ночную тьму, Мэд быстро, по-хозяйски окинул взглядом таверну и нахмурился. Кого-то не хватало.

— Где дрянная девчонка?

Бэннер выругался сквозь зубы:

— Была здесь. Но куда-то запропастилась.

Мэд не ответил. Только зло зарычал и, решительно шагнув вперёд, резко схватился за кованую ручку двери.

Но тут на его плечо опустилась тяжёлая рука. По железной хватке сразу стало ясно: его не отпустят. Мэду даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кому она принадлежит.

Хозяин таверны тяжело выдохнул и опустил голову, но ручку не отпустил.

— Тебе придётся очень постараться, чтобы доказать мне, что ты не сошла с ума, Бретта, — процедил он сквозь зубы.

Ответом ему стал новый истошный вопль, донесшийся с улицы. Но если первый крик сплотил людей и пробудил в них ярость, то этот леденящий кровь звук в одно мгновение выжег всю храбрость из северян. Впрочем, не из всех.

Этот звук разительно отличался от первого. Из темноты окраины донесся оглушительный, утробный, полный предсмертной агонии рев.

Бретта, чья тяжелая рука продолжала сжимать плечо Мэда, чётко давая понять, что она не согласна с его решением. Услышав рев, шагнула мимо хозяина таверны, с силой навалилась на тяжелый деревянный брус и опустила засов, наглухо запирая таверну. Ранее они закрыли все окна, подчиняясь древнему обычаю — чтобы не впустить дух умершего. Теперь же приходилось запирается от чего-то куда более реального.

Услышав предсмертный рев чудовища, Бретта наконец поняла, что значили слова Странника. Это была не угроза, предостережение. Но объяснять всё это Мэду пришлось бы слишком долго. Тем более, что начинать такой разговор нужно было с событий десятилетней давности, а времени у них не было.

Опустив засов, Бретта развернулась и встала прямо перед Мэдом.

— Там Гордок! — глухо прорычал он, глядя ей в глаза. — И девчонки до сих пор нет в зале! Мы должны выйти!

— Мэд, ты, как и все мы, слышал этот вопль, — твердо произнесла Бретта. — Тот, кто, возможно, сейчас спас Гордока, знал о том, что будет, и предупредил нас. Если мы хотим дожить до рассвета, нам нельзя открывать эту дверь. Доверься мне!

Мэд молча смотрел на Бретту нервно сжимая кулаки. Он понятия не имел, о каком чужаке она говорит, кто их предупредил и почему она так слепо верит этому чужаку. Внутри него всё кричало от, давящего беспокойства за Алиру и даже Гордока, оставшихся там, в ледяной ночной темноте. Ему хотелось оттолкнуть Бретту, сорвать засов и броситься на помощь. Но за все годы в этой глуши Бретта ни разу не давала повода сомневаться в её словах. И если сейчас она закрыла эту дверь — у неё были на то веские, причины.

Мэд повернул голову и посмотрел на Бика. Староста молча кивнул ему, подтверждая слова женщины.

Стиснув зубы, Мэд медленно отступил назад, освобождая пространство у двери. Он не согласился, но отступил.

Тяжело выдохнув, хозяин таверны обернулся к залу и угрюмо произнес: — Раз уж у нас появилось время, может, мне наконец-то расскажут, что здесь произошло?

Первым вызвался Бик, так как именно он встретил Странника у ворот деревни. Староста, не спеша выпуская изо рта сизый дым, начал пересказывать события этого вечера. Остальные жители, сидевшие вдоль стен, то и дело подавали голос, добавляя детали наперебой. Бретта, немного расслабившись, лишь молча слушала их, подперев плечом стену у запертого входа.

Они не успели дойти до финала.

Внезапно ручку двери снаружи кто-то настойчиво потянул на себя. Раздался глухой стук досок, встретивших препятствие — засов надежно держал проход. Тот, кто стоял на крыльце, на секунду замер, поняв, что заперто, а затем раздался тяжелый, быстрый стук.

А следом из-за двери донесся знакомый, до ужаса испуганный голос Гордока.

— Эй...Откройте... — умоляюще прохрипел бывший лекарь снаружи. — Мэд, Бэннер, Рюк вас дерит, впустите меня! Оно ушло... Тварь мертва, кто-то прикончил её у костра! Я успел добежать... Прошу, откройте дверь!

У Бэннера округлились глаза от неожиданности. Охотник кинулся к двери и уверенно перехватил тяжелый брус.

Дерево глухо закрипело. Засов поддался, приподнимаясь из пазов.

— Стой! — скомандовал Бик.

Бретта с Мэдом одновременно кинулись к двери, возвращая засов на место. Одна небольшая оговорка в словах Гордока заставила засов остаться на месте.

Дверь снова дернули. На этот раз сильнее — гораздо сильнее, чем мог бы напуганный до смерти старик.

Мэд и Бретта переглянулись, а затем посмотрели на ничего не понимающего Бэннера. В их взглядах не было ни злости, ни осуждения. Бик медленно подошел к охотнику и молча похлопал его по плечу.

Раздался стук. В этот раз громче, отчаяннее.

За дверью Гордок снова начал умолять его впустить. Голос грязно ругался, сыпал проклятиями, называл их трусами и предателями, а затем послышались шаги — кто-то быстро уходил прочь от таверны.

На несколько минут в таверне образовалась мертвая тишина. А затем издалека, со стороны дома Гордока, донесся новый вопль. В этот раз — человеческий.

Кричал Гордок. Кричал в последний раз.

Первым оборвал тишину Бэннер. Он озвучил то, о чем в эту секунду подумали абсолютно все в зале.

— Что мы наделали...

Глава 7

Тело Алиры поняло раньше разума: стало немного безопаснее.

Сначала подкосились ноги. Потом земля качнулась и ушла вбок. Девушка даже не успела понять — просто оказалась на коленях, уткнувшись ладонями в холодную грязь. А через мгновение содержимое желудка выплеснулось на землю.

Судорога шла за судорогой, живот сводило, во рту разлилась горечь. Голова кружилась так, что она не могла поднять взгляд. В ушах звенело, перед глазами плыли тёмные пятна.

Отдача.

Она хорошо знала, что это. Дэриан предупреждал об этом. Но она никогда не думала, что это «так». Не просто усталость. Не просто слабость. Тело «мстило». За то, что она влила в форму больше Анимы, чем она могло принять. Несмотря на это шар света продолжал бесшумно весеть в том месте где раньше стояла фигура лже Дэриана и продолжал освещать небольшой учаток чащи.

Алира попыталась вдохнуть — и не смогла. Горло сжало. Она снова согнулась пополам, и её вырвало опять. Каждая судорога отдавала болью в висках

Сквозь гул в ушах она слышала голос. Певучий. Мягкий.

— Ох, бедная, бедная девочка... Как же мне больно смотреть на то, как кто-то страдает.

Голос звучал намеренно наигранно. Театрально. Словно актёр, который играет сострадание.

— Может, ей кто-нибудь поможет? Эээй, кто-нибуудь! Здесь девушка не умеет правильно пользоваться Анимой. Кто-то явно плохо её обучил.

Алира хотела ответить. Хотела встать. Но тело не слушалось. Она стояла на четвереньках в холодной грязи, мокрая от пота, с трясущимися руками. Всё, что она могла, — поднять голову.

И в этот момент ей стало по-настоящему страшно.

Не из-за монстра. Не из-за голоса. А из-за того, что она беспомощна. Прямо сейчас, рядом с двумя существами, которых не понимает, она не могла даже встать на ноги.

— Я... — выдавила она, давась воздухом. — Я в порядке.

Никто не ответил.

Она сама не верила в свои слова. Но была уверена: сейчас нельзя показывать слабость.

Странник не спеша двинулся вперёд. Тварь, стоявшая на границе света, попятилась во тьму, зажимая лапой обрубок, пока не остался виден только горящий яростью жёлтый глаз.

— У меня есть предложение, — неожиданно пропел голос.

Странник не остановился.

— Ты оставишь её нам, а мой хозяин поделится информацией о том, что ты ищешь. Или правильное будет сказать — о том, кого ты ищешь?

Голос явно хотел заставить Странника врасплох. Сердце Алиры остановилось. Странник был единственной преградой между ней и теми, кто скрывался во тьме. Она понятия не имела, имеет ли она для него хоть какую-то ценность.

Странник не ответил. Только ускорил шаг.

— Ожидаемый ответ, — вздохнул голос. — Но я не уверен, что у тебя есть на это время. У местных жителей его точно нет.

В голосе прорезались нотки раздражения.

Угроза в сторону деревни заставила Алиру обрести силы. Она поднялась. Колени дрожали, но она стояла. И ответила:

— Зачем вам жители, если я здесь? Они ничего не знают. Как и я!

Странник остановился. Бросил через плечо одну фразу:

— Они в безопасности.

И двинулся дальше. К границе света. К твари.

— Оууу, я бы не был так уверен, — протянул голос.

Раздался отчётливый щелчок пальцев.

Тварь отскочила назад и оглушительно взревела. А через мгновение её рёв подхватили другие. Судя по звуку — такие же. И звук шёл со стороны деревни.

Ревела целая стая.

— Нет. Нет. Нет.

Сознание Алиры отказывалось верить. Почему? Почему это происходит с ней? Почему у неё постоянно забирают надежду? За что?

Она не могла защитить даже себя. Не то что деревню. Веры в спасителя не было никакой. Справиться с одним чудовищем — это одно. Но с целой стаей — другое.

Но больше её пугал тот, кто одним щелчком пальцев мог командовать этими тварями.

Не от веры. От отчаяния. От безвыходности. Она обратилась к нему.

— Спаси их. Умоляю...

Тихо. Умоляюще.

Странник остановился.

— Я же сказал...

— Прошу тебя... Они всё, что у меня осталось...

Странник задрал подбородок, откинул голову назад, с силой вдохнул воздух носом. А затем раздражённо выдохнул через рот.

Скорость, с которой он развернулся и понёсся к ней, нельзя было назвать человеческой. Быстрее, чем она успела понять, что происходит, он оказался перед ней, вскинул её на плечо и понёсся прочь — через тьму, в сторону деревни.

— До скорой встречи, юная госпожа.

Алира не видела лица. Но по интонации ей показалось, что тот, кому принадлежал голос, ухмылялся.

Она висела у Странника на плече, обмякшая, не смея даже вздохнуть. Не столько от бессилия, сколько от шока.

Они неслись сквозь чащу так, словно это была вымощенная дорога среди ясного дня, а не ночной бурелом. Деревья мелькали одно за другим. Становилось всё светлее. Наконец Алира увидела окраину леса.

Как только они вылетели из-под крон, Странник замедлился до обычного человеческого шага.

Алира, немного придя в себя, тут же возмутилась:

— Почему мы не бежим?! Нужно быстрее вернуться к таверне!

Её мысли были только о людях. И в ней появилась уверенность, что её спаситель справится.

Странник ничего не ответил. Только шёл. Ровно. Спокойно.

Алира открыла рот, чтобы сказать что-то ещё, но осеклась. Что-то в его молчании было такое, от чего слова застревали в горле.

Она замолчала.

Они шли молча. Деревня приближалась. И с каждым шагом становилось слышно: со стороны центра, где стояла таверна, доносятся звуки битвы. Но не обычные. Не было криков людей. Не было лязга оружия. Только бешеное рычание, вой монстров и звуки ломающихся построек.

А ещё — среди всего этого — выделялся необычный звук. Не принадлежавший остальным монстрам. Алира никогда раньше не слышала ничего подобного. Глубокий. Низкий. Так

не рычал ни один зверь, которого она знала. В нём было что-то первобытное. Древнее. Словно сама чаща проснулась и заговорила.

Странник остановился.

Алира хотела спросить, что там происходит. Но промолчала. Что-то подсказывало ей, что ответа не будет.

Они стояли. Молча. Несколько минут, которые показались ей вечностью.

Наконец раздался последний вопль. А за ним — тишина.

Странник двинулся дальше.

— Я могу идти сама, — тихо сказала Алира. — Мне уже лучше. Спасибо.

Странник молча поставил её на ноги. Но совсем отпускать не стал — взял под руку. Вместе они двинулись дальше.

Краем глаза Алира увидела, как между домами пронеслась массивная тень. Направлялась в сторону леса. Она подумала, что это одна из тварей пытается сбежать. Хотела сказать, но Странник опередил. — Не беспокойся об этом.

И она не стала спрашивать.

Пройдя ещё несколько улочек, они вышли к центру деревни.

Алира не была неженкой. Она выросла среди охотников. С детства видела, как разделяют дичь и домашний скот. Но то, что она увидела, вызвало бы рвотные позывы у любого.

По всей округе валялись разодранные остатки чудовищ. Похожих на тех, что она встретила в лесу. Только немного меньше. А в воздухе стояла невыносимая вонь от крови и потрохов.

Алиру бы точно стошнило. Но всё, чем можно было это сделать, она оставила в лесу.

— Вот. Дыши через это. Будет легче.

Странник протянул ей чистый багровый платок. Тот приятно пах цветами. Алира тут же прижала его к лицу и старалась смотреть только себе под ноги, пока они подходили к таверне.

Дверь была изрублена. На ней и на стенах рядом не было живого места. Дерево — в глубоких порезах от когтей. Ещё свежая чёрная кровь.

Алира старалась не всматриваться. Она видела свет из-под двери. Слышала голоса внутри.

Она постучала.

— Это я! Алира! Всё кончилось! Кажется...

Последнюю фразу она сказала значительно тише оглянувшись на Странника.

За дверью воцарилась тишина.

Дверь не открыли.